

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР В БРИТАНСКОМ КОРПУСЕ ТЕКСТОВ: КОЛОКОЛА ПОБЕДЫ И RUSSIA'S V-DAY

О.А. СОЛОПОВА¹, А.П. ЧУДИНОВ²

¹Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
454080, Челябинск, Россия пр. Ленина, д. 76

²Уральский государственный педагогический университет
620017, Екатеринбург, Россия, пр. Космонавтов, д. 26

Исследование выполнено в рамках диахронической лингвополитической метафорологии, которая занимается вопросами исторического развития и историографического потенциала политической метафоры. Актуальность диахронического анализа политической метафоры в британском дискурсе (1945—2000) определяется рядом лингвистических причин и экстралингвистических факторов. Целью работы является изучение эволюции концептуальных образов, связанных с периодом Второй мировой войны. В основу исследования положен принцип равномерной фрагментации с шагом 5 лет (9 мая 1945, 9 мая 1950, 9 мая 1955 ... 9 мая 2000), который во многом координирует с принципом фокусности. Текстовый материал из оцифрованного корпуса The British Newspaper Archive изучается с использованием методов корпусного анализа, когнитивно-дискурсивного анализа и метода метафорического моделирования. Данные статистического анализа показывают, что частотность обращения к событиям, связанным с «русским Днем Победы» и представленным в изданиях, вышедших 9 мая каждой из исследуемых синхронных точек, коррелирует с общей тенденцией снижения интереса к России. Содержательный анализ позволил доказать мифологизированность военно-политического дискурса, его двухценностную ориентацию, сужающую военно-политический мир до черно-белой модели. В статье выявлены доминантные метафорические модели, их прагматический потенциал, дискурсивные факторы, оказавшие влияние на активизацию метафор и транслируемых ими смыслов, установлена взаимозависимость между метафорами и образами, которые они генерируют, акцентирована их детерминированность историческим контекстом эпохи. Результаты работы представляют интерес для широкого круга отечественных и зарубежных специалистов в области когнитивной лингвистики, политической лингвистики, политологии, истории, социологии.

Ключевые слова: *военно-политический дискурс, диахроническая метафорология, концептуальная метафора, Вторая мировая война, Советский Союз, Россия, образ врага, образ союзника*

1. ВВЕДЕНИЕ

Обращение к исследуемой в настоящей статье проблематике обусловлено как собственно лингвистическими причинами, так и экстралингвистическими факторами. В России День Победы над фашистской Германией традиционно отмечают 9 мая, тогда как в Великобритании и многих иных странах праздничные мероприятия проходят днем раньше. Российский День Победы в британской прессе нередко обозначают как Moscow's V-day или Russia's V-day и воспринимают как информационный повод для того, чтобы вспомнить о вкладе Советского Союза

в общую борьбу союзников с фашизмом. Эта традиция получила начало в 1945 году, но с тех пор многое изменилось...

С лингвистической точки зрения рассмотрение подобных изменений может предоставить интересный материал для более полного понимания роли СМИ как важного фактора формирования читательских представлений о роли Советского Союза во Второй мировой войне. Диахронический анализ позволит реконструировать метафорическую картину дня Победы, установить константные и вариативные характеристики для каждой из синхронных точек, выбранных для анализа, исследовать факторы эволюции метафор. Именно поэтому настоящее исследование выполнено в рамках нового перспективного научного направления, лежащего на пересечении политологии, истории и лингвистики, — диахронической лингвополитической метафорологии (Будаев; 2010; Anikin, Budaev, Chudinov 2015; Chudinov, Solopova 2015; Solopova 2014, 2017 и др.), основной задачей которой является отслеживание исторической динамики метафорической картины мира на различных этапах развития общества, рассмотрение закономерностей отражения политической жизни в зеркале метафор. Другими словами, диахроническая метафорология является интегральной частью метафорологии как науки о метафоре и занимается вопросами исторического развития и историографического потенциала политической метафоры.

К экстралингвистическим факторам, обусловившим выбор заявленной проблематики, относятся политизация и «ревизия» представлений о Второй мировой войне, ее причинах и итогах, о роли СССР в разгроме фашизма. Экстралингвистический контекст дискурса, учет реалий различных исторических периодов позволит выявить причины и этапы модификации образа СССР в британском дискурсе и его роли во Второй мировой войне, что представляет большой интерес не только для лингвистики, но и для истории, социологии, политологии, культурологии и других областей знания.

2. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор британского дискурса для анализа эволюции концептуальных образов, связанных с периодом Второй мировой войны, оправдан лингвополитическим и экстралингвистическим контекстами. Во-первых, в наших предыдущих исследованиях, материалом которых послужили филологически представительные массивы данных британского дискурса XIX и XXI веков [Solopova 2014, 2017], отмечено, что основными тенденциями в моделировании образа России в двух периодах являются нежелание британцев принять Россию в качестве европейской державы, восприятие России как страны «за пределами» Европы, острое геополитическое соперничество (XIX в.), отчуждение (начало XXI в.).

Проецирование на предполагаемого или действительного противника негативных стереотипов диктует выбор метафор с отрицательным зарядом и задает общую антагонистическую тональность дискурса о России. Включение в сопоставительный ряд моделирования образа России в британском дискурсе XX века, в частности советского периода, заполнит «временной разрыв» и позволит в дальнейшем

при последовательном исследовании диахронических изменений выявить социально-культурную инкарнированность метафор о России либо их дискурсивную обусловленность на протяжении трех столетий. Во-вторых, 9 мая 1945 года как первая синхронная точка диахронического анализа очень показательна, поскольку Вторая мировая война — период, когда Россия и Великобритания, будучи союзниками, одержали триумфальную победу над общим врагом. Выбор рубежа столетий в качестве последней точки диахронического анализа дискурсивно оправдан тем, что это было время завершения социальной революции в России, когда отношения между нашими странами еще не вступили в период острых противоречий.

Источником текстов стала выборка из оцифрованных изданий Великобритании из полнотекстового одноязычного коммерческого корпуса The British Newspaper Archive (21497726 газет и журналов с 1700 года по 2017 год), представляющим собой собрание письменных текстов Великобритании (Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса). Метаразметка корпуса включает в себя внешние, экстралингвистические метки — сведения о самом тексте, дате и месте его появления. Корпус обеспечен специализированным поисковым интерфейсом, который позволяет исследователю делать выборку текстов по заданным параметрам: возможен как поиск одной из ряда запрашиваемых словоформ, так и обязательной словоформы в указанную дату или промежуток времени. Выдача данных корпусом не ограничена: результатом поиска является полный список документов, упорядоченных по релевантности. Отметим, что указанный корпус справедливо относят к числу наиболее объемных и вместе с тем удобных для использования и решения конкретных лингвистических задач.

Полнотекстовая выборка в архиве осуществлялась с помощью специализированной программы поиска по словоформам и словосочетаниям «USSR, Soviet Union, Russia, Russian, Victory Day» в изданиях, вышедших 9 мая каждого года с пятилетним интервалом, начиная с 1945 г. и заканчивая 2000 г., с условием отбора текстов, в которых присутствует хотя бы одна из запрашиваемых словоформ. Например, 9 мая 1955 года было опубликовано 6 статей по рассматриваемой тематике в пяти газетах: *Aberdeen Evening Express*, *Belfast News-Letter*, *Lancashire Evening Post*, *Northern Whig*, *Portsmouth Evening News*. При дальнейшем исследовании в ряде случаев (с 1960 по 2000 гг.) существующий запрос был отредактирован, временной диапазон расширен с 8 по 11 мая каждой синхронной точки.

3. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве основных методов исследования используются корпусный анализ, когнитивно-дискурсивный анализ, метод метафорического моделирования. Как справедливо отмечает О.О. Борискина, в современной лингвистике одни ученые воспринимают корпусные исследования языка как новое направление в лингвистике, в основе которого лежит принципиально новый научный метод, тогда как другие специалисты «предпочитают пользоваться корпусом исключительно как источником примеров для иллюстрации своих положений» (Борискина 2015: 24). По нашему мнению, в любом случае применение методов корпус-

ного анализа повышает репрезентативность выборки и объективность полученных результатов. В нашем представлении корпус — это чрезвычайно удобный способ отбора материала для исследования, который в дальнейшем можно проанализировать, используя как приемы компьютерной лингвистики, так и традиционные лингвистические методы.

В каждой из отобранных для исследования статей выделялись и детально анализировались доминантные метафорические модели с учетом сфер-источников и сфер-мишеней метафорической экспансии по традиционной для уральской научной школы методике (Чудинов 2001), восходящей к идеям Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Lakoff, Johnson 1980) и их последователей (Баранов 2003; Cameron 1999; Chilton 2005; Chilton, Lakoff 1999; Frank 2009; Gibbs, Cameron 2008; Musolff 2007; Vertessen, Landtsheer 2008). Ведущие элементы этой методики — выделение сфер-источников и сфер-мишеней метафорической экспансии, выявление доминантных для соответствующего дискурса метафорических моделей, определение их функций, оценка их прагматического потенциала и аксиологических характеристик, анализ метафорической плотности текстов и дифференциация метафорических бурь и метафорических штилей.

Один из дискуссионных вопросов современной лингвополитической метафорологии — выбор между сплошным и дискретным анализом материала. В работах зарубежных исследователей доминирующим является сплошной (континуальный) анализ. Отметим, что большинство работ за небольшим исключением (Harvey 1999; Landtsheer 1991; Trim 2011) посвящено ретроспективному анализу на материале политического дискурса одной страны, в ряде исследований эволюция политической метафоры изучается на примере коротких временных периодов. При дискретном анализе различают равномерную и фокусную фрагментацию. В первом случае материал подразделяется на равные части по годам (десятилетиям, месяцам, сезонам или иным периодам времени) (Будаев 2011; Хренова 2011). При использовании фокусной методики шаг фрагментации определяется не хронологией в ее математическом, астрономическом и физическом представлении, а динамикой исторических событий (войны, кризисы, революции, смена политических лидеров и др.) (Solopova 2014, 2017).

В настоящей работе избрана равномерная фрагментация с шагом 5 лет: авторы проводили анализ газет и журналов, которые вышли 9 мая 1945, 9 мая 1950, 9 мая 1955 ... 9 мая 2000. Отметим, что в данном случае принцип равномерности во многом координирует с принципом фокусности: 1945 — год победы над фашизмом, 1950 — разгар холодной войны, 1955 — «оттепель», в том числе и в международных отношениях, 1960 — реформы Н.С. Хрущева, 1965 — начало периода, который впоследствии обозначат как «застой». Весьма значимыми для России стала эпоха «перестройки», которая развернулась в 1985 и завершилась к 1990 году. Наконец, в 2000 году лидером нашего государства стал В.В. Путин. Еще один аргумент, позволяющий фокусировать внимание именно на данных синхронных точках в пользу выбора фрагментации с шагом 5 лет, начиная с 1945 года, — тот факт, что соответствующие даты отмечались в России и многих

инных странах как юбилейные, что, на наш взгляд, должно предопределять повышенное внимание СМИ к событиям в России вообще и к празднованию Дня Победы. Когнитивно-дискурсивный анализ позволит учесть социоисторический и лингвокультурный факторы при исследовании специфики функционирования метафорических моделей в британском дискурсе.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Показательны сопоставительные данные о количестве публикаций, посвященных «русскому Дню Победы» в британских СМИ, вышедших 9 мая, и об общем количестве публикаций о России в британских изданиях за каждый год, выбранный в качестве синхронной точки, представленные на рисунках 1 и 2.

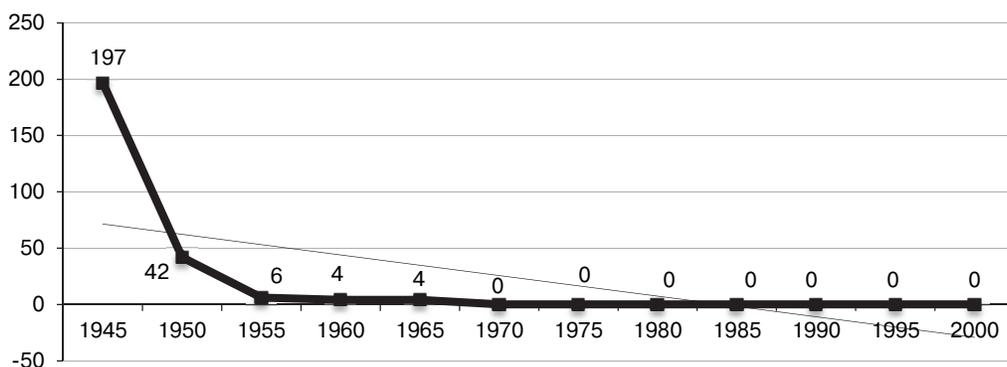

Рис. 1. Данные количественного диахронического анализа (9 мая, 1945—2000 гг.)

Fig. 1. Statistical data of diachronic analysis (9 May, 1945—2000)

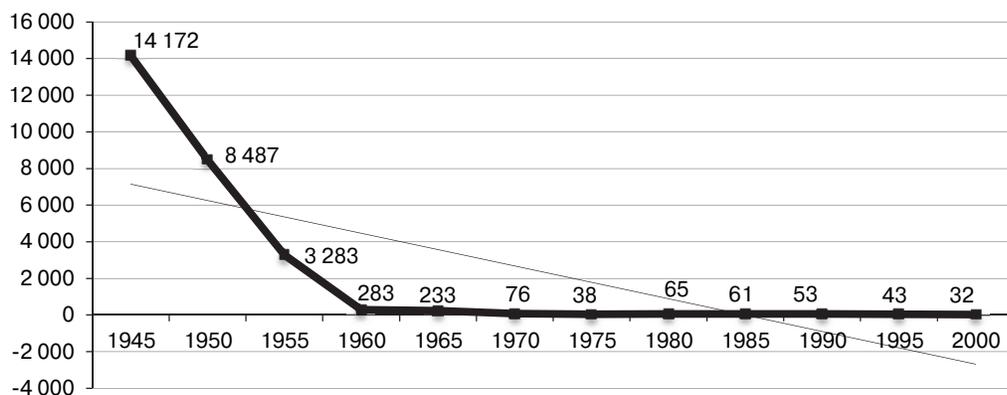

Рис. 2. Данные количественного диахронического анализа (год в целом, 1945—2000)

Fig. 2. Statistical data of diachronic analysis (each year overall, 1945—2000)

Как свидетельствуют обе диаграммы, пик всеобщего интереса британской прессы к Советскому Союзу и его вкладу в общую победу приходится на 1945 год, когда в британских газетах были опубликованы 197 статей рассматриваемой тематики. Объемные статьи, посвященные «русскому» вкладу в общую победу

(из них 16 на первых полосах газет и журналов, маркируемых в архиве как «front page article»), опубликовали наиболее авторитетные британские газеты на территории Англии, Шотландии, Северной Ирландии и Уэльса, в том числе «Aberdeen Press and Journal», «Daily Record», «Daily Herald», «Newcastle Journal», «The Standard», «The Scotsman», «Western Mail», «Yorkshire Post and Leeds Intelligencer» и многие другие.

К 1955 году количество публикаций, в которых представлены искомые словоформы и словосочетания, резко снижается (6 статей, опубликованных только в газетах и журналах Англии в разделе «Разное», архивная помета — Miscellaneous). К примеру, статья о Дне Победы в России за 9 мая 1955 года опубликована в разделе «Разное» на 5 странице журнала «Belfast News-Letter» среди заметок с названиями «Rebel Garrison Surrenders in Saigon» (Повстанческий гарнизон сдается в Сайгоне), «Party to Study Bird Life in Far North» (Экспедиция для изучения жизни птиц на дальнем севере), «Eight-year-old Girl Found Murdered» (Восьмилетняя девочка найдена мертвой), «Chocolates Cheaper» (Шоколадные конфеты становятся дешевле), «22,000 Miners Resuming Work Today» (22 000 горняков возобновляют работу сегодня) и других.

Как свидетельствуют диаграммы, после 1955 года тема советского вклада в победу над фашизмом по существу уходит из сферы внимания британской прессы, о ней практически не вспоминают даже в юбилейные годы. Это относится не только к газетным номерам, которые выходили именно 9 мая. С 1960 года и далее статьи запрашиваемой тематики, опубликованные 9 мая, не представлены в корпусе The British Newspaper Archive. Расширение интервала поиска на период с 8 по 11 мая позволило обнаружить еще девять статей: четыре из которых были опубликованы в 1960 году, еще четыре — в 1965 и последняя — в 1980 году.

Интересно отметить, что идентичны на двух графиках «линии тренда» (один из инструментов статистического анализа), пересекающие горизонтальную ось в одной синхронной точке (1985 г.), что подтверждает направленное движение и указывает на продолжительную и устойчивую тенденцию исследуемого временного ряда.

Несколько выбивается из общей долговременной последовательно нисходящей тенденции 1980 год (65 изданий по сравнению с 38 изданиями в 1975 г.), что, вероятнее всего, связано с летними Олимпийскими играми, проходившими в Москве.

Специальный анализ показывает, что наибольшее количество публикаций (16) приходится на июль и август 1980 года, что совпадает со временем указанного события (19 июля — 3 августа). Несмотря на то, что олимпийский комитет Великобритании бойкотировал Олимпиаду-80 в связи с вводом Советских войск в Афганистан, некоторые спортсмены Великобритании и Ирландии прибыли на Олимпиаду в индивидуальном порядке и участвовали под флагом Олимпийских игр, что могло способствовать повышению интереса британских СМИ к событиям в Москве. В целом, частотность обращения к событиям связанным с «русским Днем Победы», представленным в изданиях, вышедших 9 мая каждой из исследуемых синхронных точек, коррелирует с общей тенденцией снижения интереса к России.

Обратимся к изучению образов «Дня Победы», освободителей (самой Великобритании, союзников, к числу которых принадлежит СССР и Россия как его правопреемница) и образа врага, четко дифференцируемых в дискурсе о Второй мировой войне в корпусе текстов, отобранных для диахронического анализа. Первая, самая показательная синхронная точка анализа — 1945 год. Общая тональность дискурса о Дне Победы 9 мая 1945 года торжественная, величественная, патетическая. Это самый великий день, который знала история (The Press and Journal), великий день последней и окончательной победы (Dumfries & Galloway Standard and Advertiser), самая великая победа в истории человечества (Burnley Express), день великого ликования (Aberdeen Press and Journal), когда громко звонят колокола Победы, отдаваясь эхом в каждом уголке мира, задевая чувствительную струнку в сердцах людей всех Объединенных Наций (Perthshire Advertiser), величайшая победа в истории, значимее, чем все завоевания Александра и Юлия Цезаря, Саладина и Чингисхана, Наполеона и Веллингтона (Burnley Express)¹.

Образы победы, войны, ее главных участников выстраиваются на единой аксиологической метафоре света и тьмы. Когнитивный прием редукции (Иссерс 2008), который состоит в сужении политического мира до его черно-белой модели, на наш взгляд, лежит в основе военно-политического дискурса в целом. Такая двухценностная ориентация четко демонстрирует мифологизированность военно-политического дискурса, в котором явно дифференцируются и резко противопоставляются «свои» и «враги», «добро» и «зло», где условными полюсами редукции являются две альтернативы развития — «победа» и «поражение», что находит выражение в тенденциозной подаче только положительных или только отрицательных фактов в упрощенном, заостренном виде.

Тьма символизирует холод, разрушение, хаос, смерть, тогда как свет является символом тепла, надежды, ожидания, рождения, жизни, начала (Мокиенко 1986):

From out of the darkness we have emerged straight into the dazzling light, and, shading our tear-stained eyes for a moment, we are enabled once more to gaze upon a world we formerly knew, and had almost forgotten, 'way back in 1939!' / The Standard. (Мы вышли из тьмы прямо в ослепительный свет и, лишь на мгновение заслонив от света заплаканные глаза, мы вновь смогли увидеть мир, который мы знали ранее и который почти забыли, «назад в 1939!»)

There has never been a greater moment in the history of war than this. The figure of Victory arises from amid the chaos and ruins / Dumfries & Galloway Standard and Advertiser. (В истории войны не было более великого момента, чем этот. Победа восстает из хаоса, из руин.)

¹ In all our history we have never seen a greater day than this (The Press and Journal). Victory, final and complete, in Europe has been won at last (Dumfries & Galloway Standard and Advertiser). This is a victory greater than all the victories of history (Burnley Express). Yesterday was a day of great rejoicing throughout the world (Aberdeen Press and Journal). The Victory Bells were ringing yesterday in Britain, echoing round the world, striking a responsive chord in the hearts of all people of the United Nations (Perthshire Advertiser). This victory is greater than all the triumphs of Alexander and Julius Caesar, of Saladin and Genghis Khan, Napoleon and Wellington (Burnley Express).

Бинарная оппозиция базовых категорий света и тьмы обуславливает активное употребление метафорических единиц разнообразных сфер-источников с положительной и отрицательной коннотативной нагрузкой. В проанализированном корпусе текстов за 9 мая 1945 года зафиксировано 9 метафорических моделей, наиболее продуктивными являются метафоры неживой природы, пути, преступности, животного мира, болезни, строительства, способные развивать полярные коннотативные смыслы и генерировать как «темные» образы войны и врага, так и «светлые» образы победы и ее героев.

Поскольку тьма ассоциативно связана с мрачными, черными тонами, в рамках модели «неживой природы» доминирует метафора темной, непроглядной ночи, которая продолжалась несколько долгих и трудных лет:

*Something “Big” has happened on this planet within the last few hours — something that, fairy-like, has gently wafted us away, away from **the owl-haunted night of creepy war-time** / Dumfries & Galloway Standard and Advertiser. (Нечто «Значимое» произошло на планете в последние несколько часов, оно, как по волшебству, унесло нас **из совиных лап угрюмой хищнической ночи, от страшной войны.**)*

Ночь, олицетворяющая страшное прошлое и ужасы войны, отступила и ушла в небытие. Архетипическим противопоставлением ночи является день и метафора зари, восходящей над освобожденным миром:

*The long, long night is over, and all of us, **ALL OF US, are agog to greet the dawn of the new radiant day!** How fairer the face of our beloved country has grown! What potent magic has operated to wreath even the forbidding countenance of the incurable misanthrope **with sunny smiles?** / The Standard. (Долгая-долгая ночь закончилась, и все мы, **ВСЕ МЫ** возбужденно приветствуем утреннюю зарю нового ослепительного дня. Как просветлилось лицо нашей любимой страны! Какое невероятное волшебство заставило озариться **солнечной улыбкой** даже хмурое лицо неизлечимого мизантропа?)*

В суточном цикле рассвет и заря, появление солнца обладают особой качественной отмеченностью, связанной со спецификой восприятия и переживания времени. Это время начал, время рождения, возрождения, время, связанное с судьбой [Мальцев 1989: 82]. Метафора зари, яркого освещения горизонта перед восходом солнца, выступает символом начала нового. Для всего мира наступает новый день, который обещает новую жизнь: для каждого человека и каждой страны восходит солнце, которое наполняет душу радостью, озаряя солнечным светом и солнечными улыбками государство и его народ.

Интенсификация светлого образа победы достигается за счет повторения метафорического образа с обогащением контекстной семантики, парадигматических и синтагматических отношений метафорической единицы с другими единицами контекста (*the dawn, the new radiant day, fairer face, sunny smile*). Ассоциативные и фоновые приращения направлены на интенсификацию прагматического компонента значения «свет». Акцентирует противопоставление образа войны и образа победы антитеза, представленная в первом придаточном предложении с редуцированным прилагательным *long*, указывающим на дли-

тельность войны, на продолжительное ожидание наступления нового дня, который символизирует победу, и редуцированного словосочетания *all of us*, написанного прописными буквами, во втором придаточном, что подчеркивает основную идею всего контекста, усиливая прагматический эффект: победа освещает и дарит тепло всем и каждому.

Риторический вопрос и восклицание в данном и иных иллюстративных контекстах не только повышают эмоциональный формат высказывания, делая акцент на смысловых центрах, но формируют у адресата интенцию разделить радость от свершившегося, от победы, которая вселяет уверенность, надежду и воодушевление.

Отрицательный аксиологический потенциал в британском корпусе текстов эксплицитно метафоризирует «грозовых туч»:

Now the dark and dangerously menacing clouds have lifted from our lives. So, in common with the Crusaders of other Allied nations, we do well at this stage to relax a little for the purpose of inhaling deep draughts of Liberty's glorious air / The Standard. (Сейчас в нашей жизни развеяны черные грозовые страшные тучи. И вместе с Крестоносцами всех союзных народов мы сделали передышку, чтобы глубоко вдохнуть славный воздух Свободы.)

Метафора *тяжелых грозовых туч* моделирует в сознании адресата целостный отрицательный образ войны и фашистской Германии, представлявшей угрозу миру. В оппозиции к ней употребляются метафоры глубокого вдоха, свежего воздуха, воздуха свободы, концептуализирующие «светлый» полнос настоящего. Образ славной победы коррелирует с религиозной метафорической единицей *Крестоносцы*, которая несет положительный коннотативный заряд, символизируя освобождение, дублируя и интенсифицируя смыслы метафоры *воздух Свободы*, эксплицитно представленной в анализируемом контексте. Интенсификация метафоры *глубокого вдоха* достигается за счет введения в контекст существительного *draught* (*inhale* (v) — *to draw in by breathing greedily*; *draught* (n) — *the act or an instance of inhaling*²) и прилагательного *deep*, также дублирующих в контексте значения лексемы *inhale*, моделируя образ уставшего от войны и истосковавшегося по свободе мира, который с жадностью вдыхает горький, но свободный воздух Победы.

Не менее частотными в анализируемом дискурсе являются метафоры источниковой сферы «неживая природа» с прагматическими смыслами неотвратимости, опасности, масштабности угрозы:

Hitler's vast plan for a slave world under German domination has utterly failed. Our small democracies have enjoyed the safe anchorage behind the breakwater which they built against the storm / Western Mail. (Всеобъемлющий замысел Гитлера о доминировании Германии в мире рабов полностью провалился. Наши небольшие демократические государства были надежно укрыты в бухте за волнорезом, который они воздвигли, чтобы спастись от урагана.)

² *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language* (1996). New York: Gramercy books.

Метафоры шторма, бури, урагана, насыщенные смыслами стихийного разрушения, невозможности противостоять силам природы, репрезентируют войну, фашистскую Германию и ее идейного руководителя как враждебную неподвластную человеку стихию, сметающую все на своем пути.

Интересна противопоставленная ей метафора *бухты, безопасной якорной стоянки за волнорезом*, где в надежном укрытии Великобритания пережидала шторм, что резко контрастирует с представлением Великобритании о собственной роли во Второй мировой войне, ее вкладе в победу. Вероятнее всего, под безопасной якорной стоянкой (*safe anchorage*) имеется в виду выигрышное географическое положение Великобритании, ее отделенность от континента. Будучи островным государством, великой морской державой, Великобритания, на протяжении многих веков активно принимавшая участие в войнах на континенте и за его пределами, никогда не знала тяжесть сухопутной войны на ее территории, чувствовала себя в безопасности, не подвергаясь иностранному вторжению.

Широко используются в британских СМИ рассматриваемого периода метафоры со сферой-источником «путь»:

We may with much lighter hearts, and with pride in our accomplishments, look back on the long and bitter road we have had to travel since war came to us. There is much to be learned from it and we shan't ignore the lessons it holds at our future peril / Newcastle Journal. (Мы можем с гораздо более легким сердцем, с гордостью за наши успехи, оглянуться назад, на **долгий и горький путь, пройденный нами с начала войны**. Многочему следует научиться, и мы обязательно учтем **уроки этого пути** во время будущих угроз.)

В концептуальном пространстве времени метафора пути связывает прошлое, настоящее и будущее, что позволяет в настоящем оценивать пройденный путь и извлекать уроки на будущее. В рамках рассматриваемой метафорической модели война репрезентируется как долгий путь к выживанию или гибели, путь, не всеми пройденный до Дня Победы. Инвертированный порядок слов как прием экспрессивного синтаксиса, связанный с изменением положения членов предложения, а именно с постановкой однородных обстоятельств образа действий, выраженных предложными словосочетаниями (*with much lighter hearts, and with pride in our accomplishments*) «внутри» составного глагольного сказуемого, их обособление, акцентирует результат пути — облегчение и гордость. Интересны метафорические единицы, получающие в военно-политическом дискурсе положительную коннотативную нагрузку:

*It was Britain's solitary stand for a whole year against the most frightful enemy Europe has known that made possible the ultimate triumph of right. We were indeed **the last remaining barrier against world-wide tyranny** / Dundee Courier.* (Именно Британия, в одиночку противостоявшая в течение целого года самому страшному врагу, которого когда-либо знала Европа, сделала возможной окончательную победу добра. В действительности мы были **последним барьером, преградившим путь мировой тирании**.)

В подавляющем количестве случаев позитивный коннотативный потенциал эксплицирует метафора *барьера*, традиционно профилирующая негативные смыслы.

Эмфатическая конструкция «It was... that» использована для логического акцентирования роли Великобритании в войне, ее выдающихся заслуг.

Основная сфера-мишень для негативно окрашенных образов — это Германия, ее политические руководители, вооруженные силы и идеология фашизма. Моделирование «черных» образов достигается за счет использования зооморфных, религиозных, криминальных, феодальных, игровых, финансовых метафор с негативной коннотативной нагрузкой. Остановимся на доминантных образах сфер-источников «животный мир», «религия», «преступность»:

*The perverted and inverted enthusiasm of the Nazis for evil and cruelty and oppression constituted a grave danger to freedom, and unless drastic measures are taken to deal with it it may again imperil the peace of the world. The victorious nations may be trusted to see to it that **the Nazi beast** is slain. Only then can peace, security, happiness and prosperity be assured for future generations. Nazi totalitarianism was a dreadful thing which the world will never forget* / Perthshire Advertiser (Извращенная, поставленная с ног на голову страсть нацистов к злу, жестокости и подавлению (других) представляла серьезную опасность свободе; если не будут приняты радикальные меры, мир вновь может оказаться в опасности. Народы-победители могут проследить за тем, что **нацистский зверь** умерщвлен до конца. Только тогда будущим поколениям можно гарантировать мир, безопасность, счастье и процветание. Нацистский тоталитаризм был ужасен, мир его никогда не забудет.)

Как было отмечено в наших предыдущих исследованиях (Chudinov, Solopova 2015; Solopova 2017), активность зооморфизмов в репрезентации образа другой страны связана с традицией зооморфной метафоризации стран, берущей начало из библейских текстов. С одной стороны, каждое государство представляет уникальную, отличную от других модель общества, что актуализирует использование СМИ традиционных зоосимволов при метафорической репрезентации других государств: британский лев или бык, русский медведь, французский петух, американский орел и другие (the British Lion, the British Bull, the Russian Bear, the French Cock, the American Eagle, etc.). С другой стороны, потенциал метафорических единиц сферы-источника «животный мир» транслировать негативные прагматические смыслы «чуждости», «инаковости» обуславливает их востребованность при формировании негативного образа геополитического противника. Зоонимом, представляющим Германию, является орел (the German Eagle), известный как Bundesadler (орел, изображенный на гербе государства). Метафора *the Nazi beast* вбирает в себя все отрицательные коннотативные компоненты лексемы *beast*: жестокость, свирепость, неуправляемость, бесчеловечность. Нацистский зверь — это не орел, а чудовищная тварь, которой не нашлось названия даже в животном мире. (Заметим, что дефиниции лексемы *beast*, предлагаемые в словарях³ включают значения *чудовище, тварь*.)

³ *Cambridge Advanced Learner's Dictionary* (2009). Cambridge: Cambridge University Press. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. (1995). *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press. *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language* (1996). New York: Gramercy books.

Сходный эмотивный потенциал и специфические коннотации в моделировании образа нацистской Германии передают религиозные метафоры:

The monstrous curse and soul-searing blight of Facism on the European Continent has been swept away / Dumfries & Galloway Standard and Advertiser (**Чудовищное проклятие, иссушающий души фашизм уничтожен.**)

Нацизм представляется дьяволом, калечащим тела и забирающим души, подавляющим разум и волю. Проклятие, источником которого является ненависть к человечеству, чье разрушительное негативное влияние стирает города и страны с лица земли и лишает жизни миллионы людей, является оборотной стороной благословения, что вновь выводит на первый план дихотомию «свет — тьма», которая является лейтмотивом дискурса о победе и о войне.

Бесчисленные военные преступления фашизма и тягчайшие злодеяния против человечества и человечности настолько чудовищны, что в рамках криминальной метафорики проблематично повести ту демаркационную линию, которая отграничивает собственно метафоры от единиц, употребленных в прямом значении:

The evil men must pay for the crimes committed at their instigation against all the human race / Daily Herald. (**Негодяи должны заплатить за преступления, совершенные ими против всего человечества.**)

Тем более, что сразу после окончания Второй мировой войны нацизм был официально осужден международным военным трибуналом и поставлен вне закона в ходе Нюрнбергского судебного процесса по делу главных военных преступников европейских стран оси Рим — Берлин — Токио. Тем не менее, при исследовании зафиксирован ряд метафорических словоупотреблений рассматриваемой источниковой сферы, большая часть которых относится к фрейму «преступные сообщества»:

Yesterday was a day of great rejoicing throughout the world except in Germany and Japan and their small and insignificant band of sympathisers / Aberdeen Press and Journal. (Вчера был день великого ликования во всем мире кроме Германии, Японии и ничтожно малой **шайки их пособников.**)

*Our rejoicing is subdued by the supreme consciousness of the terrible price we have paid to rid the world of **Hitler and his evil band** / Westen Mail.* (Наш праздник омрачен полным осознанием того, какую страшную цену мы заплатили за то, чтобы избавить мир от **Гитлера и его мерзкой шайки.**)

Интересно отметить, что невероятно мощная энергетика Дня Победы «переворачивает» конвенциональный сценарий криминальной метафоры: традиционно транслируемые негативные смыслы криминальной метафоры *кражи* в иллюстративном контексте нивелируются, обуславливая ее способность реализовываться в «светлом» варианте:

"Here is the News" came stealing the war-impregnated atmosphere! / Dumfries & Galloway Standard and Advertiser. (Эта новость пришла внезапно, **украва** пропитанную войной атмосферу!)

Контекстуальное окружение метафорической единицы указывает на то, что она транслирует положительные коннотативные смыслы: **украва** войну, победа подарила человечеству мир.

Показательно, что варварство, хаос и зло, атрибутируемые не фашизму, а России в двух синхронных срезах, проанализированных ранее (Chudinov, Solopova 2015; Solopova 2014), переносятся на Германию, что свидетельствует о том, что в мире геополитики часто не объективные характеристики того или иного государства, а расстановка сил на международной арене, вхождение страны в союзнический или противоборствующий лагерь и, более того, сиюминутная конъюнктура обуславливают выбор как метафорических моделей, так и конкретных метафор для концептуализации настоящего, ревизии прошлого и определения перспектив будущего развития другого государства. К примеру, для образа России, отношения с которой носили конфронтационный, антагонистический характер в XIX веке, в британском дискурсе доминантными являются не только те же метафорические модели, в рамках которых репрезентируется фашистская Германия в анализируемом периоде, но и отдельные метафорические единицы («черная туча», «черная ночь», «проклятие», «хищник» и другие). Коллективная историческая память сохраняет и передает из прошлого в настоящее не только сами метафоры, инкарнированные в социально-культурный контекст, но и ранее сформированный образ антагониста, воскрешая и обновляя его при возникновении новой опасной ситуации и нового врага.

9 мая, День Победы, — тот краткий миг настоящего, в котором сплавляются только что закончившееся прошлое и наступающее будущее, что влечет за собой активное употребление метафорических единиц сфер-источников «болезнь», «организм», «строительство» с положительной коннотативной нагрузкой, генерирующих смыслы «избавления», «спасения», «восстановления»:

*We do well, before facing up to the onerous, though not insurmountable task of **healing the world's great gaping wounds**. After years of tortuous suffering, heartbreaks and sorrow comes **this blessed anodyne of «Peace»** / The Standard. (Мы победили, но перед нами стоит трудная, но выполнимая задача **исцелить огромные зияющие раны мира**. После долгих лет мучительных страданий, несчастий и горя наступает **благословенное утешение под названием «Мир»**.)*

Резерв отрицательной экспрессивности метафоры болезни проявляют при репрезентации прошлого, войны, оставившей зияющие раны на теле человечества, тогда как будущее ставит своей целью исцеление, выздоровление и обновление каждого государственного организма. Будущее моделируется в рамках метафоры *anodyne*, первым значением лексемы является «болеутоляющее средство» (*servicing to alleviate pain, the anodyne properties of certain drug*⁴). Акцентирование метафоры достигается с помощью разноуровневых грамматических средств: значение видовременной формы Present Continuous «действия в развитии в настоящий период времени» передается формой Present Simple для акцентуации факта победы, наступления мира. Кроме того, постройка подлежащего *this blessed anodyne of «Peace»* в нетипичное для него место, в конец предложения, также способствует эмфатическому выделению метафоры в высказывании.

⁴ *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language* (1996). New York: Gramercy books.

Морбиальная метафорика тесно связана с физиологической, профилирующей те же эмотивные смыслы:

How nimble, too, almost overnight, have the dodderin' feet of Age become! / Dumfries & Galloway Standard and Advertiser. (**Как внезапно стали проворными трясущиеся от немощи ноги Времени!**)

Положительная оценочность, заложенная в физиологической метафоре «проворные ноги Времени», реализуется в противопоставлении одряхлевшего, трясущегося от старости и усталости мира военного времени и мира обновленного, возрожденного победой, которая вдохнула в него молодость. Интересно употребление лексемы *overnight*, которая может интерпретироваться в нескольких своих значениях. С одной стороны, она указывает на «мгновенность», «внезапность» произошедшего (*quick or sudden*⁵): День Победы изменил все и сразу, им закончилась война и началось новое мирное время; с другой стороны, лексема *overnight* определяет конкретное время события — «накануне вечером», «ночью» (*on the evening before, during the night*⁶): окончательный акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии был подписан 8 мая в 22.43 по центрально-европейском времени — накануне вечером. Акцентированию физиологических метафор и смыслов, которые они транслируют, служат эмфатическая интонация восклицательного предложения и инвертированный порядок слов.

Обновление и возрождение мира моделируется в рамках метафоры «строительства», ассоциативно связанной с позитивными преобразованиями:

VE-Day means the same Allied co-operation which has banished the German nightmare, they can ensure peace for a torn world to rebuild its ravaged lands / Dundee Courier. (День Победы означает то же сотрудничество союзных держав, которые прогнали немецкий кошмар, они могут гарантировать мир, чтобы разорванные на части государства (мир) смогли **отстроить заново свои разрушенные земли.**)

Строительство подразумевает восстановление и реконструкцию прежних, как правило, успешных форм общественно-политического устройства.

Помимо моделирования мирного будущего и образа победы позитивный заряд метафорических и неметафорических контекстов актуализируется при репрезентации героев победы, прежде всего, самих британцев, их выдающихся заслуг и исключительного героизма:

The chief glory belongs to Britain who for a year stood alone against the might of Germany unconquered and unafraid / Dumfries & Galloway Standard and Advertiser (**Основная слава принадлежит Британии**, которая одна в течение года противостояла мощи Германии, непокоренная и бесстрашная.)

We were the first to draw the sword against tyranny. Our united Empire maintained the struggle single-handed for a whole year, until we were joined by the military might of Soviet Russia / The Press and Journal. (**Мы первые обнажили клинок против тирании. Наша объединенная империя сражалась один на один с врагом целый год, пока к нам не присоединились военные силы Советской России.**)

⁵ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (1996). New York: Gramercy books.

⁶ Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H. (1995). *The Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford: Oxford University Press.

Речь идет о ключевом для Великобритании сражении в ходе Второй мировой войны — о битве за Британию (the Battle of Britain), целью которой было ослабление военного флота, дезорганизация военной промышленности, и в конечном итоге, капитуляция государства. Гитлеровской армии не удалось сломить оборону, боевой дух британского народа и подавить желание к сопротивлению фашизму, что вызывает справедливую гордость ее граждан и активизирует единицы, нацеленные на формирование образа единственной сдерживающей силы (*alone, first, single-handed*), которой Европа обязана своим спасением:

In years to come historians will say that Great Britain saved Europe / Dumfries & Galloway Standard and Advertiser. (В будущем историки скажут, что Великобритания спасла Европу.)

Некоторые историки будущего, в том числе британские, отметят, что «...вклад Советского Союза был настолько велик, что не остается ничего другого как признать роль Британии и США второстепенной» (Davies 2007), в конечном счете коммунизм, а не капитализм «явился победителем на большей части мира» (Cowles 1953).

Но, как известно, у победы много отцов... Наиболее значимые среди них Божественное провидение, Король Георг VI, по сей день являющийся символом борьбы Великобритании против фашизма во Второй мировой войне, премьер-министр, министр обороны и лидер Палаты Общин У. Черчилль:

Today we give thanks to God for a great deliverance. In the hour of danger we humbly committed our cause into the hand of God, and He has been our strength and shield. Let us thank Him for His mercies in this hour of victory / Dumfries & Galloway Standard and Advertiser. (Сегодня мы благодарим Бога за великое спасение. В час опасности мы покорно верили нашу цель деснице Божьей, он был нашей силой и нашим щитом. В час победы возблагодарим Господа нашего за его милосердие.)

We had the example of the Royal Family who shared all our anxieties. Three cheers for his Majesty the King! / Eastbourne Gazette. (У нас был пример королевской семьи, которая разделила с нами все тяготы. Троекратное ура в честь Его Величества Короля!)

We express our admiration and affection for our great Prime Minister, who justly may be called "The Architect of Victory." / Dumfries & Galloway Standard and Advertiser. (Мы выражаем наше восхищение и любовь нашему великому премьер-министру, который справедливо может быть назван «Архитектором Победы».)

Let us pay tribute to the man who has led us out of the valley of the shadows. Far from being bowed down by the weight of his immense burden Mr Churchill has gloried in the bearing of it. It were as if he had been waiting for the hour, knowing himself destined to guide the British Empire and Commonwealth through the most perilous years in history / Perthshire Advertiser. (Отдадим должное человеку, который вывел нас из долины теней. Он не склонился под грузом невероятного бремени, наоборот, г-н Черчилль нес его с достоинством. Словно он ждал своего часа, зная, что ему суждено провести Британскую империю и Содружество сквозь самые опасные годы в истории.)

Великая победа над нацистской Германией и ее союзниками превратила У. Черчилля, правительство которого несло основную ответственность за ведение войны и политику Британского Содружества, в национального военного лидера,

вождя, который привел свой народ к достижению долгожданной цели. Как отмечают историки (Трухановский 1982; Cowley 1953), она стала звездным часом и триумфом У. Черчилля, вершиной его политической карьеры.

К пантеону героев присоединяются союзники:

We appreciate our valiant leaders and our victorious Allied Forces who together, under Divine Guidance, have made this day possible. By their courage and sacrifice we have V.E. / Eastbourne Gazette. (Мы благодарны нашим доблестным главнокомандующим и нашим победоносным союзникам, которые вместе, руководствуясь божественными наставлениями, сделали возможным этот день. В результате их доблести и жертв мы празднуем день Победы.)

В анализируемом британском корпусе текстов частотны вербальные знаки интеграции и формулы причастности (инклюзивное мы, лексемы единения и совместности (наш, общий, вместе, объединять, «Объединенные Нации» и другие), которые, приобретая идеологическую коннотацию «свои», и, как следствие, позитивную эмотивность, позволяют разделить радость общей победы с союзниками. Позитивная эмотивность метафор служит мощным фактором геополитической интеграции:

Only the mighty resources of the great Allies later won to the cause we had upheld have ensured the victory we now celebrate. Nothing less than the utmost exertions of Britain, Russia, and the United States combined sufficed to bring to naught the foul ambitions of the Hitlerite conspiracy that had trampled almost all Europe underfoot. That is a truth we cannot afford to forget if we are to establish a lasting peace / Dundee Courier. (Только мощные силы великих союзников, вступивших в бой, поддержанный нами, гарантировали победу, которую мы празднуем сейчас. Именно огромные объединенные усилия Британии, России и Соединенных Штатов смогли свести на нет подлый замысел Гитлера, который подчинил себе почти всю Европу. Это истина, которую мы не можем позволить себе забыть, если мы хотим установить прочный мир.)

Колоссальные человеческие, материальные и духовные жертвы союзников вербализуются следующим образом:

As we see now, she (Germany) has been laid low only after the application of such forces, and such military innovations, as five years ago were unimaginable. It has needed the labour of giants to kill this giant / Newcastle Journal. (Как мы сейчас видим, Германия повержена только благодаря таким силам и таким военным нововведениям, которых пять лет назад нельзя было вообразить. Чтобы убить этого гиганта, потребовался труд гигантов.)

Метафора *the labour of giants* многопланово характеризует союзников, акцентируя их мощь (обширную территорию, значительный военный, производственный потенциал), человеческие ресурсы и титанические усилия, затраченные для достижения цели, необходимость в выполнении данной работы и сложность поставленных задач (*labour — expenditure of physical or mental effort especially when difficult or compulsory*⁷; *the type of work that needs a lot of physical effort*⁸).

⁷ Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (1996). New York: Gramercy books.

⁸ Cambridge Advanced Learner's Dictionary (2009). Cambridge: Cambridge University Press.

Парадоксально, но нападение Гитлера на Советский Союз трактуется британскими СМИ как положительный фактор для Великобритании:

In his madness Hitler in 1941 attacked Russia, and we had an ally. Better was to follow for Britain / Aberdeen Press and Journal. (В своем безумии Гитлер напал на Россию в 1941, и у нас появился союзник. Для Британии наступили лучшие дни.)

Вероятно, это связано с тем, что, во-первых, Великобритания объединила собственные военные усилия с СССР, и Красная Армия стала существенным военным фактором победы союзников, во-вторых, нападение Германии на СССР ослабило давление на Британию и коренным образом изменило ситуацию в ходе Второй мировой войны, с этого момента основные события войны стали разворачиваться на восточном фронте, что в значительной степени снизило возможность вторжения немецко-фашистских армий на территории Британии (*Better was to follow for Britain*).

Факт союзничества трех держав во Второй мировой войне актуализирует использование метафорических единиц «братья», «друзья»:

In the course of the past years, and in face of common danger and grievous losses, there has grown up between the peoples of our two countries a comradeship-in-arms of unsurpassable strength. I am confident that this spirit of comradeship will continue / Daily Record. (В течение последних лет перед лицом общей опасности и тяжелых потерь между народами наших двух стран возникло братство по оружию, братские узы невероятной силы. Я уверен, что отношения будут развиваться в духе товарищества и впредь.)

America and Russia, brothers in peril / Nottingham Journal. (Америка и Россия, братья в минуту опасности.)

Россия выступает как верный союзник, друг и товарищ, которого уважают, любят, ценят, восхищаются:

Russian Comrades. To-morrow we shall pay a particular tribute to our Russian comrades, whose prowess in the field has been one of the grand contributions to the general victory / Daily Record. (Русские товарищи. Завтра мы воздадим должное нашим русским товарищам, доблесть которых на поле брани — огромный вклад в общую победу.)

Интересно отметить, что в корпусе текстов анализируемой синхронной точки лексема *товарищ* использована в своих первоначальных значениях «близкий друг», «соратник по оружию» (an intimate friend, a fellow soldier⁹; a friend, especially someone who fights with you in a war¹⁰) без негативных коннотаций последующих десятилетий. Почти утраченная образность финансовых метафор *pay a particular tribute, one of the grand contributions*, актуализируется за счет средств контекста. Несмотря на привычные смыслы финансовой метафоры, связанные с моделированием товарно-денежных отношений в сфере политики, в рассматриваемом примере доминирует позитивная оценочность.

⁹ *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language* (1996). New York: Gramercy books.

¹⁰ *Cambridge Advanced Learner's Dictionary* (2009). Cambridge: Cambridge University Press.

Неровные отношения между Великобританией и Россией, включая имперский и советский периоды последней, геополитические конфликты и, позднее, идеологическое противостояние не помешали заложить основы «новой» дружбы:

During these years of battle our two peoples have forged a new friendship which has been given practical form in the Anglo-Soviet Treaty of Alliance and post-war collaboration signed in June, 1942 / Western Mail. (В годы войны наши два народа **выковали узы дружбы**, которые обрели материальную форму в «Англо-советском договоре о союзе в войне и о взаимной помощи после войны», подписанном в июне 1942 года.)

Метафора *to forge friendship* транслирует не только смыслы тесного сотрудничества, крепких отношений, словно выкованных из стали, и указывает на тяготы военного времени, которые способствовали сближению двух столь разных систем и преодолению противоречий прошлого, но и закладывает основы прочной будущей дружбы.

Во многих статьях акцентирована роль Верховного главнокомандующего И.В. Сталина, который обозначается как Маршал Победы. Показателен следующий пример:

From a message to Marshal Stalin: You have demonstrated in all your campaigns what is possible to accomplish when a free people under superlative leadership and unflinching courage rise against the forces of barbarism / Daily Herald. (Из послания Маршалу Сталину: «Во всех (военных) кампаниях Вы показали, чего можно достичь, когда **свободный народ с безграничным мужеством и под блистательным руководством** встает на борьбу с армией варваров.»)

Интересно, что варварская, нецивилизованная, тоталитарная Россия XIX века (Solopova, 2014, Chudinov, Solopova 2015) в британском дискурсе анализируемого периода превращается в свободную страну, которой руководит мудрый стратег и которая сама встает на борьбу с варварами, что свидетельствует о самоценности и субъектоцентричности политического дискурса, в котором собственные цели и устремления определяют отношение к иным агентам внешнеполитической деятельности, чьи образы напрямую соотносятся с интересами того государства, которому принадлежит дискурс.

Отметим также, что в анализируемом корпусе текстов единичны случаи употребления официальных названий СССР и Советский Союз, в абсолютном большинстве текстов наша страна обозначается как Россия, Советская Россия, Москва:

*Today is **Moscow's** V-Day. Today will be Victory Day in **Russia** / Aberdeen Press and Journal.* (Сегодня День Победы в **Москве**. Сегодня будет День Победы в **России**.)

На наш взгляд, это говорит о том, что СССР, РСФСР и Россия рассматриваются британскими СМИ в анализируемый период как один и тот же субъект международных отношений.

Торжественность и метафоричность корпуса текстов за 9 мая 1945 года резко контрастирует с дискурсом последующих десятилетий о победе и о роли Советского Союза во Второй мировой войне. Метафорические образы, обращенные

к нашей стране, советским войскам и их вкладу в разгром фашизма, встречаются нечасто и не отличаются оригинальностью. В отличие от 1945 года основной сферой-мишенью метафорической экспансии является Россия с безусловным доминированием негативных оценок в моделировании ее прошлого и настоящего. Идеологическое противостояние обуславливает антагонистический характер дискурса о России, в котором последняя возвращается к «привычной» для нее роли основного, дееспособного и опасного противника, вновь становится «Империей Зла»:

The Communist menace has to be met not only in Europe but in Asia / The Scotsman, 09.05.1950. (Придется столкнуться с **коммунистическим злом** не только в Европе, но и в Азии.)

Вследствие глобального геополитического, военного и идеологического противостояния лейтмотивом, пронизывающим каждый текст, попавший в выборку, является намерение России доминировать в мире, расширение ею собственных сфер влияния:

*The Communists who were in charge of Russian policy, however, had lost sight of reasonable objectives and seemed to have decided that **Russia would go for the higher prize of world domination*** / The Scotsman, 09.05.1950. (Коммунисты, стоявшие во главе российской политики, забыли о разумных целях и, кажется, решили, что **желанной добычей (призом) России станет доминирование на мировой арене.**)

Соперничество за влияние между социалистическим и капиталистическим блоками времен холодной войны приводит к возрождению физиологической метафоры *прожорливости* (*swallow*), столь типичной для британского дискурса о России XIX века (Chudinov, Solopova 2015):

*The policies of isolationists are cheap and dangerous, they would let **Russia swallow up the rest of the world*** / Nottingham Journal, 09.05.1950. (Политика изоляционистов дешевая и опасная, **они позволили бы России проглотить весь остальной мир.**)

Милитаризм эпохи в целом и анализируемого дискурса в частности генерирует образные ассоциации, связанные с тематикой войны, но теперь войны против России:

*The European recovery programme must end, as scheduled, in 1952, but **the “cold war” against Russia should be carried out on the economic, information and political fronts*** / The Scotsman, 09.05.1950. (Европейская программа восстановления (план Маршалла) должна закончиться в 1952-м, как и планировалось, но **«холодная война» против России должна вестись на всех фронтах: на экономическом, информационном, политическом.**)

Идеологическая конфронтация в мировом масштабе актуализирует сферу-источник «инструменты», включающую как косвенные способы защиты от нападения противника и вероятные ответные действия, так и средства прямой атаки и обороны:

*The Atlantic Pact is **a defensive instrument**, but even in defence the blessings are not always to the meek. Russia has been winning too many points just recently. The West must prepare itself to greater effectiveness in propaganda and in economic development*

as well as in direct measures of defense / News Chronicle, 09.05.1950. (Североатлантический договор — это **защитный инструмент**, но даже при обороне благословление не всегда удел смиренных. Совсем недавно Россия выиграла слишком много очков. Запад должен подготовиться к большей результативности в пропаганде, в экономическом развитии и **в мерах непосредственной (прямой) обороны.**)

Но если сдерживание СССР и противодействие попыткам социалистического блока выйти за пределы существующих сфер влияния расценивается как необходимое средство обороны, то аналогичные действия Советского Союза, часто вербализуемые в рамках метафорических образов «преступности», «болезни», «пути», подвергаются резкой критике:

We are witnessing in Russia at the present time a vast exercise in power politics. The Russian clan wants to prevent economic recovery in Western Europe / The Scotsman, 09.05.1950. (В настоящий момент мы наблюдаем в России повсеместное **использование политических инструментов с позиции силы. Русский клан хочет воспрепятствовать выздоровлению** экономики в Восточной Европе.)

Несмотря на почти утерянную образность, стертые метафоры транслируют негативные смыслы неправомерности и деструктивности действий России.

Доминантными образами при моделировании отношений государств в международной политике являются ассоциативно связанные с милитарными спортивными метафоры:

If the United States backed down on its allies, as it did after the First World War, there would be another world conflict / Nottingham Journal, 09.05.1950. (Если бы Соединенные Штаты **уступили (уступать в игре)** своим союзникам, как они сделали после Первой мировой войны, был бы еще один мировой конфликт.)

Now the task is to translate intention into action, to go beyond plans to the creation of a force capable of containing Communism. Where Russia scores is in her unity of command and of aim. Against this the Western Powers must harmonise by negotiation interests sometimes conflicting in themselves / Aberdeen Press and Journal, 09.05.1950. (Сейчас задача состоит в том, чтобы перевести желаемое в действительное, выйти из рамок запланированного и создать силу, способную обуздать коммунизм. **Россия выигрывает** там, где дело касается единоначалия и единства цели. Чтобы противостоять этому, западные державы должны прийти к согласию с помощью переговоров, урегулировав иногда противоборствующие интересы.)

Спортивные метафоры эксплицитно создают образы противоборствующих держав, во что бы то ни стало желающих одержать верх над противником и, объединившись, сдерживать нового врага.

Даже стертые метафоры сферы-источника «неживая природа» приобретают конфронтационную, «милитарную» окраску:

If Russia reaches the zenith of her military strength in 1953, the Western Powers may have a difficult task to defend a disarmed Germany / The Scotsman, 09.05.1950. (Если **Россия достигнет зенита своей военной мощи** в 1953, западные державы могут столкнуться с трудной задачей защитить разоруженную Германию.)

Спустя всего пять лет после победы Россия и Германия поменялись местами в системе отношений западных держав «друг — враг». Россия стала тем государством, от которого следует защищать и защищаться.

1960 год в обозначенные хронологические рамки (8—11 мая) отмечен единственным событием — сбитым неделей раньше над территорией СССР в районе г. Свердловска американским самолетом-разведчиком:

The flight into the heart of Russia was American-inspired, and by an American, and has been admitted to have been for spying purposes. The greatest sin is not in the act: it is in being found out, in being caught in the art / Evening Express, 08.05.1960. (Полет в сердце России был инспирирован американцами, самолет пилотировал американец, было признано, что он совершался в шпионских целях. **Самый большой грех не сам факт случившегося, он состоит в том, что тебя раскрыли и поймали на шпионаже.**)

Интересна интерпретация британскими СМИ религиозной метафоры *греха*: по их мнению, прегрешением является не преднамеренное нарушение границы и воздушного пространства СССР с целью фотосъемки стратегических объектов, а «перехват» американского высотного разведчика и предание факта огласке.

В юбилейные для победы годы (1955, 1965) немногочисленные заметки об итогах Второй мировой войны касаются взаимных упреков и обвинений бывших союзников, рассуждений о том, могла ли Россия выиграть войну одна, вызванных обсуждением вышедшей в свет книги А. Кларка «Барбаросса: русско-германский конфликт 1941—1945 гг.» и изумления, связанного с поразительной способностью изрядно побитой России к восстановлению и исцелению ран прошлого. Авторы пишут, что день Победы на западе был отпразднован тихо, в некоторых местах вообще прошел почти незамеченным:

Publicly, the anniversary passed by almost unnoticed / Belfast News-Letter, 09.05.1955. (Для общественности годовщина прошла почти незамеченной.)

In the West, V.E.-Day was honoured quietly, and in many places passed almost unnoticed. (На Западе День Победы отметили тихо, в большинстве городов почти незаметно) / Aberdeen Evening Express, 09.05.1955.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данные, полученные в ходе анализа, служат еще одним подтверждением тех изменений, которые произошли в отношениях между Великобританией и нашей страной за послевоенное время. Метафоры чутко реагируют на перемены в мире геополитики. Их инкарнированность в социально-культурный контекст обеспечивает устойчивость метафорической системы и позволяет фиксировать архетипичные модели, являющиеся константами в политическом дискурсе определенного государства. К примеру, архетипичными метафорами британского политического дискурса, выявленными как в настоящем исследовании, так и в наших предыдущих работах, являются метафоры пути, неживой природы, животного мира, преступности и болезни.

Кроме того, ключевыми константами политического дискурса являются не только метафоры, но и образы, конструируемые ими: сформированный в коллективном сознании образ врага не является «закрепленным» за определенным

субъектом международных отношений, в данный исторический момент выступающим в роли «идеального» антагониста. Этот образ переносится на нового соперника в практически неизменном виде и репрезентируется он не только с использованием однотипных сфер-источников, но и конкретных метафорических единиц, из столетие в столетие концептуализирующих врага. В частности, основываясь на сопоставлении данных настоящего и предшествующих исследований, мы можем сделать вывод, что образ фашистской Германии метафорически близок образу России-соперника в британском дискурсе XIX и XXI веков (Chudinov, Solopova 2015; Solopova 2017).

Вариативность метафорики напрямую зависит от дискурсивных факторов: от геополитической ситуации конкретного исторического периода, контекста употребления, моделируемого образа. Вариативность связана не только с активным использованием одних моделей, меньшей востребованностью других и пополнением системы метафор новыми сферами-источниками, но и с «переворачиванием» смыслов в рамках одной концептуальной метафоры, с развитием или преобладанием одного из полярных аксиологических смыслов, что позволяет конструировать как светлые, так и темные образы с помощью единиц одной и той же метафорической модели.

Оценочность, заложенная в метафоре, и образ, создаваемый ею, детерминированы не столько объективными характеристиками страны (в нашем случае — России), сколько отношением к ней государства, дискурс которого подлежит анализу, принадлежности субъектов международных отношений к определенному геополитическому лагерю. Примером тому служит образ России и русских союзников в корпусе текстов за 9 мая 1945 года и пятью годами позже: образ социалистической России-союзника моделируется в позитивном ключе, образ социалистической России-противника нагружен негативными оценочными коннотациями.

На наш взгляд, наблюдения над частными проявлениями диахронических изменений и полученные выводы могут быть использованы при сопоставлении результатов как с данными более крупного корпусного исследования британских текстов, так и с материалами «точечного» анализа СМИ США, Франции, Китая и других стран — участников антигерманской коалиции. Если же ставить проблему шире, то диахроническая лингвополитическая метафорология представляется одним из наиболее перспективных направлений политической лингвистики.

© О.А. Солопова, А. П. Чудинов, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 134—140. [Baranov, A.N. (2003). *Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoring*. In *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistiplinarnogo issledovaniya*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 134—140. (In Russ.)]
- Борискина О.О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 24—27. [Boriskina, O.O. (2015). *Korpusnoe issledovanie yazyka: moda ili neobkhodimost'*. *Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 3, 24—27. (In Russ.)]

- Будаев Э.В. Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 (31). С. 9—23. [Budaev, E.V. (2010). Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza. *Political Linguistics Journal*, 1 (31), 9—23. (In Russ.)]
- Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. 330 с. [Budaev, E.V. (2011). *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya*. (Comparative political metaphorology). Nizhnii Tagil: NTGSPA. (In Russ.)]
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд-е 5. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с. [Issers, O.S. (2008). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi*. (Communicative strategies and tactics of Russian speech). Moscow: Izd-vo LKI. (In Russ.)]
- Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л.: Наука, 1989. 168 с. [Mal'tsev G.I. (1989). *Traditsionnye formuly russkoi narodnoi neobryadovoi liriki (Issledovanie po estetike ustno-poeticheskogo kanona)*. Leningrad: «Nauka». (In Russ.)].
- Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 280 с. [Mokienko, V.M. (1986). *Obrazy russkoi rechi: Istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta. (In Russ.)]
- Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. 3-е изд. М.: Международные отношения, 1982. 464 с. [Trukhanovskii, V.G. (1982). *Winston Churchill*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)]
- Хренова А.В. Исторические особенности развития концепта president в американской концептуальной системе // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 229—234. [Khrenova, A.V. (2012). Istoricheskie osobennosti razvitiya kontseptu president v amerikanskoj kontseptual'noi sisteme. *Political Linguistics Journal*, № 1 (39), 229—234. (In Russ.)]
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с. [Chudinov, A.P. (2001). *Russia in metaphorical mirror: cognitive research on political metaphors (1991—2000)*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta. (In Russ.)]
- Anikin, E.E., Budaev, E.V., Chudinov, A.P. (2015). Historical Dynamics of Metaphoric Systems in Russian Political Communication. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 3 (44), 26—32.
- Cameron, L.J. (1999). Identifying and describing metaphors in spoken discourse data. In L.J. Cameron, G. Low (eds.) *Researching and Applying Metaphor*. Cambridge: Cambridge University Press, 105—132. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139524704.009>.
- Chilton, P.A., Lakoff, G. (1995). Foreign policy by metaphor. In Ch. Schaffner, A. Wenden (eds.) *Language and Peace*. Aldershot: Dartmouth, 37—59. <https://doi.org/10.4324/9780203984994>.
- Chilton, P. (2005). Manipulation, memes and metaphors: The case of Mein Kampf. In L. de Saussure, P. Schulz (eds.) *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 5—45. <https://doi.org/10.1075/dapsac.17.03chi>.
- Chudinov, A.P., Solopova O.A. (2015). Linguistic Political Prognostics: Models and Scenarios of Future. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 200, 412—417. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.08.088>.
- Cowles, V. (1953). *Winston Churchill; the Era and the Man*. New York: Harper. <https://doi.org/10.2307/2604710>.
- Davies N. (2007). *No Simple Victory: World War II in Europe, 1939—1945*. New York: Viking. <https://doi.org/10.3200/hist.37.2.49-52>.
- Frank, R.M. (2009). Shifting Identities: Metaphors of Discourse Evolution. In A. Musolff, J. Zinken (eds.) *Metaphor and Discourses*. New York: Palgrave MacMillan, 173—189. https://doi.org/10.1057/9780230594647_11.

- Gibbs, R.W., Jr., Cameron, L.J. (2008). The Social-Cognitive Dynamics of Metaphor Performance. *Cognitive Systems Research*, 9 (1—2), 64—75. <https://doi.org/10.1016/j.cogsys.2007.06.008>.
- Harvey, A.D. (1999). The Body Politic: Anatomy of a Metaphor. *Contemporary Review*, 275 (1603), P. 23—45.
- Lakoff G., Johnson M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001>.
- Landtsheer, Ch. de. (1991). Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach. *Communication and Cognition*, 24 (3/4), 299—342.
- Musolf, A. (2007). Which Role do Metaphors Play in Racial Prejudice? The Function of Antisemitic Imagery in Hitler's "Mein Kampf". *Patterns of Prejudice*, 41 (1), 21—44. <https://doi.org/10.1080/00313220601118744>.
- Solopova, O.A. (2014). Russia in Europe: Future in the Metaphorical Mirror of Past. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 3, 126—137.
- Solopova, O.A. (2017). Metaphor in Modeling the Future: the Best-Case Scenario (Based on Political Discourses of Russia, the USA and Great Britain, the 21st Century). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 46, 55—70. <https://doi.org/10.17223/19986645/46/5>.
- Trim, R. (2011). *Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping*. New York: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230337053_11.
- Vertessen, D., Landtsheer, Ch. de. (2008). A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time. In T. Carver & J. Pikalo (eds.) *Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World*. London: Routledge, 271—285.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 ноября 2017

Дата принятия к печати: 24 января 2018

Для цитирования:

Солопова О.А., Чудинов А.П. **Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313—337. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337.**

Сведения об авторах:

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СОЛОПОВА — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций, ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет). *Сфера научных интересов*: лингвополитическая прогностика, дискурсология, диахроническая политическая метафорология. *Контактная информация*: e-mail: o-solopova@bk.ru

АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ ЧУДИНОВ — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, ФГБОУ ВО Уральский государственный педагогический университет, главный редактор журнала «Политическая лингвистика». *Сфера научных интересов*: политическая лингвистика, метафорология. *Контактная информация*: e-mail: ap_chudinov@mail.ru

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337

DIACHRONIC ANALYSIS OF POLITICAL METAPHORS IN THE BRITISH CORPUS: FROM VICTORY BELLS TO RUSSIA'S V-DAY

OLGA A. SOLOPOVA¹, ANATOLY P. CHUDINOV²

¹South Ural State University (National Research University)
76 Lenina St., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

²Ural State Pedagogical University
26 Kosmonavtov St., Ekaterinburg, 620017, Russian Federation

Abstract

The framework for the present research is diachronic political metaphor studies that deal with the historical development and historiographical potential of political metaphors. The relevance of diachronic analysis of political metaphors in British political discourse (1945—2000) is determined by both linguistic and extralinguistic factors. The paper analyzes the evolution of conceptual images associated with World War II. The study utilizes the principle of uniform fragmentation with a 5-year fragmentation step (9 May 1945; 9 May 1950; 9 May 1955 ... 9 May, 2000) interconnected with the principle of focus fragmentation. A digitized sample from the *British Newspaper Archive* corpus is investigated through corpus analysis, cognitive and discourse analysis and metaphorical modeling. The statistical outcomes demonstrate that the frequency of references to “Russia’s V-Day” in the issues dated by 9 May in each fragmentation step correlates with the general decrease of interest in Russia. The conceptual analysis shows that the military-political discourse is mythologized and tends to present the image of the world as a black-and-white value model. The paper evaluates the pragmatic potential of the dominant metaphorical models, elicits the discursive factors that shape the usage and meanings of metaphors, demonstrates the interdependence between metaphors and the images they generate and emphasizes the role of the historical context in this process. The results of the work are of interest to a wide range of Russian and foreign specialists in cognitive linguistics, political linguistics, political science, history, sociology.

Keywords: *military-political discourse, diachronic metaphor studies, conceptual metaphor, World War II, Soviet Union, Russia, image of the enemy, image of the ally*

Article history:

Received: 20 November 2017

Revised: 10 December 2017

Accepted: 24 January 2018

For citation:

Solopova, Olga and Chudinov, Anatoly (2018). *Diachronic Analysis of Political Metaphors in the British Corpus: from Victory Bells to Russia’s V-Day*. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 313—337. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337.

Bionotes:

OLGA A. SOLOPOVA is Doctor of Philology, Professor at the Institute of Linguistics and International Communications of the South Ural State University (National Research University). Her research interests include linguistic political prognostics, discourse analysis, diachronic political metaphor studies. *Contact information:* e-mail: o-solopova@bk.ru

ANATOLY P. CHUDINOV is Doctor of Philology, Professor, Chair of the Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language at the Ural State Pedagogical University. His research interests focuses on political linguistics and metaphor studies. He is editor-in-Chief of the journal *Political Linguistics*. *Contact information:* e-mail: ap_chudinov@mail.ru

FINANCE AND ACKNOWLEDGEMENTS

The research done for this work has been funded by the Russian Science Foundation (project № 16-18-02102).